

ЛУКРЕЦИЙ

О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Тит Лукреций Кар

О природе вещей

Серия «Эксклюзивная классика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4970934

О природе вещей / Лукреций ; [перевод с латинского И. Рачинского].:

АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-148782-9

Аннотация

Тит Лукреций Кар (99 г. до н. э. – 55 г. до н. э.) – древнеримский поэт и философ, материалист и эпикурец. Автор единственной дошедшей до нас полностью «поэтической монографии» о вечности материи и безграничности вселенной.

Поэма Лукреция «О природе вещей» представляет собой одну из вершин философской мысли человечества и вместе с тем одну из вершин древнеримской поэзии. Автором движет страстное стремление освободить человека от страха смерти и страха перед богами. Средство к этому – познание истины о природе. И Лукреций исследует ее явления, давая им толкования в духе материалистического атомизма Эпикура, вместе с тем разворачивая великолепную поэтическую картину, наглядную и красочную.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Книга первая	5
Книга вторая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Тит Лукреций Кар О природе вещей

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с латинского *И. Рачинского*

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Книга первая

Воззвание к Венере и посвящение Меммию. Краткое изложение теории атомов, или так называемых первичных, основных телец. Опровержение мнения, будто эта теория ведет к пороку. Религия сама способствует преступлению. Жертвоприношение Ифигении. Религия препятствует распространению истинной науки. Главное основоположение: из ничего ничего не происходит, но все возникает и растет из присущих каждой вещи зачатков (*semina rerum*). Восемь доказательств существования первичных тел. Доказательства существования атомов, несмотря на их невидимость (ветры, запахи, испарение влаги, изнашивание разных предметов, рост, одряхление). Другое основоположение: в мире есть пустота. Доказательства существования пустоты: доказательство от противного, проницаемость тел, удельный вес. Опровержение некоторых мнений. Все существующее есть или тело, или пустота. Третьего между ними нет ничего. Определение того и другого. О явлениях и свойствах вещей. Время. Свойства первичных тел: плотность, вечность, простота, неделимость, твердость, постоянство. Малая величина первичных тел, физическое определение бесконечно малого тела. Опровержение учений, полагавших в основе мироздания огонь (Гераклит), воду, воздух и смешение стихий (Эмпедокл). Опровержение теории Анаксагора. О бесконечности

первичных тел и их вечном движении. О безграничности вселенной. Вечное движение материи. Отсутствие центра во вселенной. Опровержение гипотезы об антиподах.

Мать Энеева племени! радость людей и бессмертных!
О всеблагая Венера!¹ Средь плавно бегущих созвездий
Свет проливаешь ты радостный на судоходное море
И плодоносную землю! Все сущие в мире создання
Жидутся только тобою и видят лучистое солнце —
Ветры бегут пред тобой, в небесах облака разгоняя.
Где появляешься ты, там искусница-почва цветами
Путь устилает тебе; улыбается тихое море,
И, успокоившись, небо все блещет лучистым сияньем.
Как только милый свой лик открывает весна молодая
И освобожденный Фавония творческий дух оживает,
В воздухе птицы сперва возвещают твое появление,
Властно объятые мощью твоею до самого сердца.
Вслед же за ними и звери бегут на привольные пастбы,
Переплывая ручьи. И таким образом твари живые
Вслед за тобою идут все, куда ты их манишь,
Силою чар упоительных и красотою влекомы.
Словом, повсюду: на море, в горах, в быстротечных
потоках,
В чаще лесов густолиственных и в зеленеющем поле —
Будишь во всяком ты сердце любви сладострастное
чувство
С тем, чтоб оно возродилось в грядущих затем
поколениях.

Так как единая ты управляешь природой вещей всех,
Так как и света ничто на земле без тебя не увидит,
И нам же не мило ничто, и ни в чем без тебя нет отрады,
То об участии твоём я прошу при создании поэмы,
Где о природе вещей говорить я отныне пытаюсь,
Нашего Меммия² к сыну, которому ты, о богиня,
Быть украшеньем во всем и во все времена повелела.
Вечную даруй затем красоту моей речи, богиня,
И ниспошли всяким подвигам диким военного дела
Тихую дрему во все это время на море и суше!
Так как одна только ты человечеству можешь доставить
Радости мира, тогда как делами жестокими брани
Оружевластный Мавор³ управляет. К груди твоей часто
Он припадает, сраженный любви вековой раной,
И, приподнявшись к тебе с запрокинутой шеей суровой,
Жадные взоры любви на тебе насыщает, богиня,
И у тебя, возлежащей, дыхание уст он впивает.
Тут-то обвей его телом священным и нежные речи
С уст испусти, умоляя о сладостном мире для римлян.
Ибо никак не могу обсуждать свой предмет я спокойно,
Зная опасность в отчизне, а Меммиев сын благородный
Также не может притом от общественных дел
уклоняться.

Ухо, однако, ко мне ты склони с напряженным
вниманьем,
Бросив заботы свои, и правдивому внемли ученью.
Дара того, что из преданной дружбы тебе предлагаю,
Не отвергай ты, доколе его не познаешь всецело.

Здесь о богах и о неба высокой природе с тобою
Речь я начну и открою вещей основное начало⁴,
Коим все зиждется, крепнет, растет и плодится в
природе;

Также – во что претворяет природа все вещи по смерти.
Это начало – материя, *тельца вещей родовые*,
Как позволяю себе я назвать то в дальнейшем учении,
Или *зачатки вещей*, – подходящее также название, —
Или же *тельца первичные*, так как из них все возникло.
Что до природы богов, то она в существе непременно
Радости жизни бессмертной в покое наивысшем вкушает,
Чуждая нашим делам и от нас удаленная очень.

Так как свободна она от опасностей всех и печали,
Собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько,
То ни добром не пленяется вовсе и гнева не знает.
Жизнь человека постыдно у всех на глазах пресмыкалась
Здесь, на земле, удрученная бременем вероученья,
Что из владений небесных главу простирало и сверху
Взор угрожающий свой непрестанно бросало на
смертных,

Первый из смертных, кто взоры поднять к нему прямо
решился,

Родом из Греции был; он ему воспротивился первый.
И ни святыня бессмертных, ни молнья, ни грома раскаты
С неба его удержать не могли, но с тем большей отвагой
Силы души он своей напрягал, чтобы ранее прочих
Крепкий замок сокрушить у затворенной двери природы.
Так животворная сила рассудка стяжала победу
И далеко унеслась из границ пламенеющих мира,

И в бесконечность вселенной проник он рассудком и духом.

Победоносно принес нам познание тот грек о возможном
И невозможном в природе, а также о силах предельных
В каждом предмете, о целях конечных, что ставит
рассудок,

Так что религии все суеверья у нас под ногами
Вновь очутились, а мы той победой вознесены к небу.
Сильно боюсь я притом, чтобы как-нибудь ты не подумал,
Будто ученья сего нечестивые свойства к пороку
Путь указуют тебе, между тем как религия эта
Часто сама побуждает к преступному, грешному делу,
Как это было в Авлиде. На жертвенник Тривии⁵ чистой
Пролита кровь Ифигении⁶ юной была святотатно
Рати данайской вождями, мужами первейшими края.
Как только голову дева покрыла священной повязкой,
Что, по щекам ниспадая, лицо с двух сторон окаймляла,
И увидала отца она, тут же стоявшего в грусти
У алтаря, и прислужников, скрывших оружие смерти,
И проливавших при этом горячие слезы сограждан,
В страхе она онемела; к земле подогнулись колени.
Не послужило несчастной к спасенью и то, что впервые
Именем нежным отца ею назван был царь Агамемнон.
Всю трепетавшую вмиг ее на руки воины взяли
И на алтарь понесли; но не с тем, чтоб, окончив обряды,
К светлому богу примкнула она, Гименею, но чтобы
Жертвою пала, рукою отца святотатно закланной,
Девственно-чистая, в светлый, торжественный день ее
брака:

Да ниспошлется удача и счастье в отплытии флоту!
Вот к изуверству какому религия может понудить.
Может быть, также и ты из-за вымыслов страшных поэтов
Станешь ученье мое избегать, как всегда то бывает.
В самом же деле великое множество можно измыслить
Грез и видений, которые, строй целой жизни нарушив,
Смуту внести бы могли в наше счастье при помощи
страха.

Истинно: если бы смертные видели, что существует
Горестей верный конец, то могли б они так иль иначе
Противостать как религиям, так и угрозам поэтов.
Ныне же к этому нет у них средств и прямых оснований,
И потому вечных мук после смерти все люди страшатся, и
Так как природу души совершенно не ведают люди:
В чреве ль родится она, иль внедряется после рожденья?
Гибнет ли наша душа, отделявшись от тела по смерти?
В Оркуса⁷ мрак ли нисходит, в пустых ли витает
пространствах

Или по воле богов переходит в различных животных,
Как поучает наш Энний, который принес нам впервые
Вечно зеленый венок с благодатных высот Геликона,
Громкою славой почтенный у всех италийских народов?
Все ж, хотя Энний в стихах своих, вечно бессмертных,
толкует

Между всем прочим о том, будто есть Ахерузии пропасть,
Но не тела и не души людей в тех местах пребывают,
А лишь поблеклые призраки необычайного вида.

Он вспоминает, что призрак цветущего вечно Гомера,

Вставший оттуда пред ним, проливая соленые слезы,
Стал говорить и природу вещей объяснять ему словом.
А потому надлежит изучить нам внимательно вещи
Высшие: то, по какому закону свершают движение
Солнце и месяц и силой какой управляются вещи
Здесь, на земле, а затем мы рассмотрим внимательным
оком,
Что же собой по природе наш дух и душа представляют;
Также те вещи, которые, нам наяву представляясь,
Ум наш пугают во сне и в припадке тяжелой болезни,
Так что нам кажется, будто мы явственно видим и
слышим
Мертвых, останки которых давно уж прияты землею.

Я не скрываю в душе: рассуждения темные греков
Очень мне трудно стихами латинскими выразить точно.
Кроме того, в выражениях новых сказать я о многом
Должен ввиду новизны содержания и бедности речи.
Но твои доблести, Меммий, а также надежда на радость
Сладостной дружбы твоей все ж к работе меня
вынуждают
И заставляют меня посвящать ей бессонные ночи
В поисках слов и стихов подходящих, при помощи коих
Мне б удалось озарить твою душу познания светом,
Чтобы ты видеть мог ясно глубоко сокрытые вещи.
Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.
Первоначальное правило ставит природа такое:

Из ничего даже волей богов ничего не творится.
Страх суеверный однако же смертных настолько
объемлет,
Что и в вещах, наблюдаемых здесь, на земле и на небе,
Многое соизволением богов объяснять они склонны,
Главной причины явлений добиться никак не умея.
Раз мы уверены в том, что ничто создаваться не может
Из ничего, то вернее пойдем мы предмет изучения:
Именно то, из чего могут вещи родиться, а также —
Где, каким образом зиждется все без участия
бессмертных.

Если бы из ничего созидалось что-либо, то также
Все существа породить бы могли без семян что угодно:
Люди водились бы в море, в земле же могли бы родиться
Чешуеносные рыбы и птицы, а с неба сбегало б
Стадо скота, и породы неведомой хищные звери
Жили бы вместе в пустынных местах и краях
населенных.

И не всегда однородные были б плоды на деревьях,
А вперемешку плоды все росли бы на дереве всяком.
Так что, не будь родовых таких телец у особи каждой,
В чем состоять бы могло постоянство зачатия в природе?
Ныне рожденье существ от зачатков известных зависит;
Только оттуда они возникают и жизнь получают
Там лишь, где есть их материя, их родовые зачатки.
А потому невозможно, чтоб все из всего возникало,
Так как известным созданьям присущи известные
свойства.

Кроме того: для чего созерцаем мы розу весною,
Злаки же летом, а осенью сладостной лозы,
Как не затем, чтобы все семена собирались во время
Определенное, чтоб сообразно со временем года
Все раскрывались создания и животворная почва
Отпрыски нежные вынести к свету могла безопасно?
Из ничего существа нарождались бы сразу, к любому
Сроку и без соответствия каждому времени года,
Так как в них не было б телец первичных, развитие коих
Несоответственным временем года могло б задержаться.
Не было б, далее, нужды во времени также для роста
Всяких зародышей, если бы из ничего возникали.
Сразу б из малых детей существа становились юнцами,
И густолиственный лес из земли вырастал бы мгновенно.
А между тем ничего не бывает подобного. Твари
Всякие мало-помалу растут из известных зачатков,
Род свой притом сохраняя. Поэтому можешь ты видеть,
Что из материи собственной все возрастает на свете.

Также заметь, без дождей, каждый год в свое время
идущих,

Почва создать не могла бы плодов своих многоотрадных,
И не могли бы породы животных, лишённые пищи,
Ни размножаться, ни длительность жизни себе
обеспечить.

Правда, во многих вещах ты присутствие можешь
заметить

Тел однородных, как в разных словах одинакие буквы,

Но невозможно ничто без порядка вещей основного.

Кроме того: почему не дала человеку природа
Крупных размеров таких, чтобы мог он шагать через
море,

С помощью рук же своих вырывать высочайшие горы
Или течение веков побеждать долголетием жизни?
Не потому ль, что создания все определяются только
Свойством известным материи той, из которой
родились?

Должно нам, значит, признать, что ничто народиться не
может

Из ничего, но зародыши нужны, чтоб всякая особь
Свет увидала и сладостный воздух вкусила с рождением.

Мы, наконец, отличаем всегда от возделанной почвы
Новь непочатую. Труд над землею плоды улучшает.
Значит, находятся в почве самой уж первичные тельца,
Производительность коих мы можем усилить, сохою
Тучные глыбы земли шевеля и поля разрыхляя.
Не существуй таких телец в земле, то без наших стараний
Все бы само по себе улучшалось в нашей природе.

Надо заметить еще: разлагает природа все вещи
На составные частицы, пропасть же ничто в ней не может.
Если б погибнуть могли составные частицы все эти,
То существа умирали б, внезапно из глаз исчезая,
Ибо не нужно бы было усилий к тому, чтоб частицы
Разъединить в каждой вещи и связь между ними

расторгнуть.

Ныне, когда составляется все из бессмертных зачатков,
Не допускает природа, как видишь ты, смерти, доколе
Сила не явит себя, иль ударом предмет разрушая,
Или его разлагая, проникнув вовнутрь чрез пустоты.
Кроме того, если б время совсем истребляло в природе
Все то, что старость отъемлет, материю всю поглощая,
Где б почерпнула Венера, чтоб новых существ поколенья
К жизни призвать? И откуда б сырая земля добывала
Нужное все для кормленья и роста тех новорожденных?
Чем пополнялось бы море, ручьи, дальноводные реки?
Как и откуда эфир наполнялся бы сонмом созвездий?
Будь те первичные тельца подвержены смерти, давно бы
Вечное время в прошедшие дни поглотило природу.
Если ж в прежнее время всегда они существовали,
Изо дня в день обновляясь и новые вещи рождая,
То несомненно, что одарены они вечной природой.
Вследствие этого вещи не могут в ничто обратиться.

Если при этом материя вечная прочною связью
В большем иль меньшем размере частиц бы своих не
скрепляла,
То одинаковой силой могли б разрушаться все вещи,
Прикосновенье простое тогда причиняло бы гибель.
Там, где всецело кончается область материи вечной,
Сила любая способна расторгнуть сцепление в частицах.
Ныне ж, когда все сцепленья частиц меж собою различны
И неизменны лишь сами частицы материи вечной,
То пребывают они невредимы в предметах, доколе

Связь не нарушена их приложением достаточной силы.
Не пропадает бесследно ничто, но в своем разложении
Все возвращаются вещи на лоно материи снова.

Так исчезают дожди, что родитель Эфир с небосвода
В недра сокрытые матери нашей земли низвергает.
Тучные жатвы затем вырастают, деревья ветвями
Все зеленеют, растут, от плодов изобильных сгибаясь.
Люди и звери в дарах тех земли добывают питание,
И расцветают от них города поколением юным.
Пение птиц раздается в лесах густолиственных всюду;
Стадо скота, отягченное жиром, на пастбищах тучных,
Отдых вкушая, лежит, и сочится молочная влага
Из переполненных вымен, подростков же юное племя
В прихоти детской своей, под влияньем молочного сока,
Резво играет на нежной траве, неумело ступая.
Значит, не гибнет бесследно ничто из того, что мы видим,
Но возрождает природа одно из другого. Не может
Вещь народиться одна, пока не погибнет другая.

Как я сказал уже, из ничего не рождаются вещи,
Также не могут они, народившись, в ничто обратиться.
Чтоб к положеньям моим ты не начал питать недоверья
Лишь потому, что твой глаз этих телец первичных не
видит,
Я докажу, что бывают они несомненно в предметах
Даже тогда, когда глаз никакой их не может заметить.
Ветра порывы, во-первых, что волны морские колеблют,
Рушат суда величавые и облака разгоняют,

И одновременно бурей стремительно носятся в поле,
Ниспровергают деревья большие, высокие горы
Точат дыханьем крушительным: так с громыханьем
свирепым

И угрожающим рокотом волны морские бушуют.
Да, без сомнения, ветер есть тело, невидное глазу,
Что океаны, и землю, и тучи на небе сметаёт,
И увлекает внезапно порывом стремительным с места.
Не по другому закону он движется, все разрушая,
Как и ручей, что спокойно течёт, но в известное время
В дикий поток превращается и, от дождей пополняясь,
С гор ниспадает высоких своей многоводною силой,
Леса обломки и даже деревья таща за собою.
Часто при этом не могут мосты устоять под напором
Вод быстротечных, когда, от дождей помутившись
обильных,
С силою рвется поток разъяренный к устоям могучим.
С грохотом сильным удар он наносит и в волны кидает
Камни огромные, все по дороге своей сокрушая.
Стало быть, так же должны проноситься ж ветра порывы.
Ветры, подобные волнам потока, обломки предметов
В разные стороны мечут и сильным напором толкают,
По временам унося их с собою в вертящихся вихрях.
Ясно нам было, что ветры – тела, недоступные взору,
Так как по действиям явным и свойствам подобны
потокам;
Эти ж последние суть, очевидно, тела по природе.

Далее. Запахи мы ощущаем от разных предметов,

Не замечая того, чтоб к ноздрям подступало что-либо.
Летнего зноя и холода тоже никак мы не можем
Зрением воспринимать, как не можем и звуков увидеть.
Все то, однако, являет телесное происхождение,
Так как имеет способность известные чувства в нас
тронуть:

Трогать и тронутым быть одному только телу присуще.
Платья, затем, на морском берегу, разбивающем волны,
Влагу приемлют, на солнце же снова они высыхают.
Но каким образом влага воды в них проникла, а также
Как испарила ту влагу жара, – невозможно увидеть.
Так на мельчайшие части свои распадается влага,
Их же никоим мы образом глазом не можем заметить.
Так же кольцо, что в течение долгих годов преходящих
Носишь на пальце ты, мало-помалу становится тоньше.
Капель паденье дырявит скалу, а сошник искривленный
Плуга железного тупится в пашне для глаз незаметно.
Мы замечаем, что улицы, камнем мощенные, часто
Стерты ногами толпы; что стоят у ворот истуканы
Медные, коих десницы с годами становятся тоньше
От целования благочестивого мимо идущих.
Что уменьшилось все это, стираясь, для нас – очевидно.
Но заградила природа от взоров, какие частицы,
В пору какую от этих вещей незаметно отходят.
Видеть нельзя даже с помощью самого острого зренья
То, наконец, что природа и время к вещам прибавляют
Мало-помалу в заботе о их постепенном развитии,
Так же, как то, что отъемлют болезнь и преклонные лета.
Ты не увидишь того, что из камней, нависших над морем,

Едкая соль похищает во всякое время, затем что
Правит природа вещами посредством частиц тех
незримых.

Но не повсюду материя в мире является тесно
Сплоченной, так как предметы в себе пустоту заключают.
Это узнать тебе будет полезно во всех отношениях,
Чтоб от сомнений не впал ты в ошибку и в розысках
долгих

О содержанья: вещей с недоверьем ко мне не отнесся.
(Есть, несомненно, в природе пустоты, пустые
пространства.)

Не существуй пустота, – невозможно бы было движенье
Всяких вещей, потому что телам постоянно присуще
Возле себя все теснить и оказывать сопротивление;
Не в состоянии были б тела и вперед подвигаться,
Так как тела к ним ближайшие не уступали бы места.
В самом же деле, на море, на суше, на небе высоком
Явственно мы замечаем во всех направлениях движенье
Разнообразное; без пустоты ж в природе не только
Отнята тотчас была бы способность предметов к
движенью,

Но и родиться бы даже ничто не могло в этом мире,
И почивала бы всюду материи плотная масса.

Далее. Вещи, которые плотными люди считают,
Все же из пористых тел состоят, как ты видишь
Так, сквозь пещеры и скалы подчас протекает
Жидкая влага воды и обильно сочится по капле.

Также по телу живущих существ разливается пища.
Сад, зеленея, растет, а плоды наливает во время
Лишь потому, что в деревьях от корней, сокрытых
глубоко,
Соки живительно льются везде по стволам и по веткам.
Звук проникает сквозь стены, в закрытые даже жилища
Перелетает, а холод до кости пронизывать может.

Без пустоты, по которой тела бы насквозь проходили,
Не подыскал бы ты этим явлениям других оснований.
Видел в вещах ты не раз, что одна тяжелей, чем другая
При одинаком объеме их тел. Отчего б это было?
Если б клубок шерстяной вещество заключал в себе то
же,
Как и свинцовый комок, то и вес был бы равный в обоих.
Но так как свойственно каждому телу надавливать книзу,
А пустота по природе своей пребывает без веса,
То по объему великие вещи, но легкие весом
Нам указанье дают, что в них много пустого
пространства.
Наоборот же, тяжелые вещи всегда указуют,
Что заключают материи много, пустот же в них мало.
Да! Таким образом то, в чем мы ищем теперь объясненья,
Есть пустота, что является вечно в смешении с телами.
Чтобы от истины не уклонялся ты в этих вопросах,
Нужным считаю я выдумки кое-какие оспорить.
Так: говорят, что лоснящимся рыбам вода поддается
И уступает дорогу, которую вновь наполняет
Влагою после того, как те рыбы оставили место.

Так и другие все вещи могли б находиться в движеньи,
Переменяя места, несмотря на материи плотность.
На основаниях ложных построено мнение это,
Так как куда, наконец, в состояньи продвинуться рыбы,
Если б вода не очистила места? Куда отступить бы
Жидкость могла, если б рыбы совсем не могли
подвигаться?

А потому: или должен ты вовсе движенье отвергнуть,
Или признать непременно смешение тел с пустотою,
Где получают все вещи в природе начало движенья.

Далее: если два плоские тела, столкнувшись, тотчас же
Быстро опять оттолкнутся, то нужно конечно, чтоб
воздух

Снова наполнил собою пустое пространство меж ними.
Воздух вокруг этих тел, даже в быстром своем дуновеньи,
Все-таки сразу не может всего преисполнить
пространства,

Но, разумеется, он поначалу наполнит собою
Место ближайшее, а уж потом остальным овладеет.
Тот ошибается, кто полагает, что это случилось
При раздвигании тел оттого, что тут воздух сгустился.
Тут пустота появилась, которой тут не было прежде,
И преисполнилось место, что ранее стало порожним.
Кроме того, этим образом воздух не мог бы сгуститься,
А если б мог даже, то без пустот, полагаю, не стиснул
Он бы себя и своих бы частиц не сплотил воедино.
Так что, хотя не уверен ты очень в своих изысканьях,
Должен, однако, в вещах ты признать пустоту

непрерывно.

Кроме того, я бы мог тебе много привести доказательств
Разных других, чтоб усилить доверье к моим
положениям,

Но даже эти примеры твой ум удовольствуют острый.
Так, наподобье собаки, что часто чутьем открывает
Диких зверей, по горам залегающих в зарослях темных,
Раз только ей на прямые следы нападать удастся,
Можешь ты тоже все сам постепенно одно из другого
В этих вопросах узнать, проникая при помощи мысли
В скрытые дебри природы и истину там добывая.
Если же ты и ко всем этим доводам медлишь склониться,
То без большого труда я бы мог обещать тебе, Меммий,
В сладких речах, исходящих от сердца, разбиться
широко,
Мощным подобно потокам, текущим из главных истоков.
Но я боюсь, как бы в члены мои не закралась змеею
Дряхлая старость и смерть узы жизни во мне не порвала,
Прежде чем в уши твои переслать я стихами успею
Тьму убедительных доводов в каждом вопросе отдельно.

Я продолжаю, однако, свое изложение дальше.
Сущность природы в себе самой два заключает начала:
В ней существуют тела, а равно и пустые пространства,
В коих тела залегают и двигаться могут различно.
Что существуют тела, говорит нам обычное чувство.
Если б его показаньям мы веры придать не желали,
То в изысканьях о разных вещах мы рассудком

Часто опоры найти б не могли в подтверждение сужденья.

То же, что есть пустота, установлено соображеньем.

Если б пространства и места, что мы пустотой называем,

Не было вовсе, то негде бы было телам помещаться.

Двигаться также тела не могли б в направлениях разных:

Это тебе уже раньше отчасти доказано было.

Нет такой вещи в природе, о коей сказать мы могли бы,

Будто она с пустотою различна, не будучи телом,

Будто она составляет какое-то третье начало.

Каждый предмет, существующий в мире, каков бы он ни был,

Должен во что бы ни стало быть мал иль велик по размеру.

Раз осязать его можно, то, будь он хоть мал и ничтожен,

Все же к телам он причтется, началам их следуя вечным.

То же, чего осязать невозможно и что не способно

Сопротивляться движенью вещей, чрез него проходящих,

Есть то пространство порожнее, что мы зовем пустотою.

В мире мы видим всегда или то, что воздействовать может

И поддаться само же воздействию тел разнородных;

Или же то, что лишь служит вместилищем всех этих действий.

Действовать и под воздействием быть в состояньи лишь тело.

Быть же вместительным тел может только пустое пространство.

Вследствие этого меж пустотой и телами в природе Третьего первоначала какого-нибудь не бывает.

Так что бывает лишь тело, доступное нашему чувству, И пустота, коей сущность мы можем постигнуть рассудком.

Все, что название имеет, как видишь ты, есть или свойство

Двух сих начал основных, или есть только их проявление. Свойством мы то называем, что без разрушения вещи Отнятым быть у нее само отделиться не может.

В камнях примерно их вес; теплота – у огня; у напитка — Влажность; у тел – осязаемость их; у пустого пространства —

Неосязаемость. Рабство, напротив, свобода, богатство, Бедность, война, примиренье и прочие вещи такие — Есть ли они или нет их – природу совсем не меняют. Все эти вещи явлениями правильно мы называем.

Время же не существует само по себе, но в предметах Мы его чувствуем все, когда в прошлом случилось что-либо,

Ныне ли что происходит, иль в будущем следовать будет. И никого еще не было, кто бы рассматривал время Вне его связи с движением тел и их сладким покоем.

Так что, когда говорят об увозе молодой Тиндариды⁸ Или о сломленном войнами роде троянцев, то должно Твердо запомнить, что речь тут идет не о чем-нибудь

сущем

И поколения, при коих события эти свершались,
Невозвратно унесены рядом веков предыдущих.

И, таким образом, действия все, совершенные в
прошлом,

Могут быть названы лишь проявлением вещей и
пространства.

Далее: если б материи не было вовсе в предметах
Или же места того и пространства, где все происходит,
То никогда бы и пламень любви к красоте Тиндариды,
Что загорелся в груди молодой Александра-фригийца,
Славных не вызвал деяний на поприще брани жестокой.
Тайно бы конь деревянный не сжег у троянцев Пергама,
Высокорожденных мужей из себя среди ночи извергнув.
Можешь ты ясно понять, что дела, совершенные в
прошлом,

Не заключают в себе бытия, как тела все в природе,
И с пустотой у них общего мы ничего не заметим.
Но на прямом основании их можно назвать проявлением
Тел и пустого пространства, в котором все вещи
творятся.

Дальше: материя частью является в виде первичных
Телец, а частью собрание телец таких представляет.
Тельца первичные те никакою не могут быть силой
Укоснены, так как плотностью все побеждают своею.
Очень возможно, немало людей затруднится поверить,
Что существуют тела с безусловною плотностью в мире:

Ведь проникает же молния с неба чрез стены жилища,
Так же как звуки и шум; а огонь раскаляет железо.
Скалы – и те рассыпаются даже от сильного жара.
Твердое золото от нагревания становится жидким;
Плотная медь, точно лед, расплавляется действием жара;
Сквозь серебро теплота и пронзительный холод
проходят.

Чувствуем мы, когда чашу мы держим в руках по обряду,
Как наливается сверху росистая влага напитка.
Так что нам кажется, будто бы нет вполне плотного тела.
А между тем, как того и природа и здравый рассудок
Требуют, – я доказать здесь в немногих стихах
постараюсь,

Что существуют тела из материи плотной и вечной:
Именно – тельца первичные, или зачатки предметов,
То, из чего состоит существо сотворенного мира.

Прежде всего, укажу я, что сущность в обоих началах
Скрыта различная. Мы замечаем большое несходство
Между природою тел и пространством, вмещающим
вещи.

То и другое начало должно быть в несмешанном виде,
Ибо в пространстве, где нет ничего, в пустоте по-иному,
Тел никаких не бывает. С другой стороны, где есть тело,
Там пустоты никакой не бывает. Поэтому, значит,
Плотны первичные тельца; они пустоты не содержат.

Кроме того, еще: если в рожденных вещах пустота есть,
То вокруг нее и материя плотная также должна быть.

И допустить невозможно бы было при здоровом рассудке,
Чтобы скрывалась в вещах пустота, пребывая внутри их,
И чтобы то, чем она окружается, не было плотным.

То, что внутри всех вещей пустоту замыкать в состояньи,
Может ли быть чем иным, как сплоченьем материи
тесным?

Значит, материя, что состоит лишь из плотного тела,
Может быть вечной, а прочее все подлежит разложению.
Если бы не было вовсе на свете пустого пространства,
Все б было плотным, а если б материи не было вовсе,
Непроницаемой той, что объемлет и все наполняет,
Все бы пространство одну пустоту представляло собою.
Так различаются между собою тела и пространство,
Но на первичных телах лишь видна эта разница, так как
Нет ничего, кроме них, что являлось бы плотным
всецело,

И невозможно без них безусловно пустое пространство.
Силою внешней первичных сих тел разделить
невозможно,

Как невозможно раскрыть изнутри, в глубину проникая.
И размягчить их нельзя никакими судьбами, как было
Мною тебе уж доказано вкратце в стихах предыдущих.
Без пустоты никакие тела не способны столкнуться,
Ни разрушаться, ни надвое даже делиться сеченьем.
Тельца первичные влаги совсем не приемлют, и холод
Не проникает сквозь них, и огонь их разрушить не может.
В общем, чем более вещи в себе пустоты заключают,
Тем они более склонны бывают всегда к разрушенью.
А так как плотны первичные тельца, как сказано выше,

И пустоты не содержат, то вечны они несомненно.

Далее, если б материя не была вечной, давно бы
Весь существующий мир совершенно в ничто обратился,
И из ничтожества снова родилось бы все, что мы видим.
Но, как уж раньше сказал я тебе, ничего не родится
Из ничего и обратно не может в ничто обратиться.
А потому несомненно бессмертны первичные тельца,
В кои по смерти своей разложиться должно все на свете,
Чтобы в грядущем материю новым созданням доставить.
Значит, первичные тельца ввиду простоты своей плотны,
Иначе как бы они сохраняли свою долговечность
И от времен незапамятных миру несли возрожденье?

Далее надо заметить, что если бы наша природа
Не положила пределов делимости тел, то зачатки
Были б к такому ничтожеству сведены прежним
дробленьем,
Что уж к известной поре ни одно из существ
нарожденных
Зрелого возраста не в состоянии было б достигнуть.
Мы наблюдаем, что вещи скорее разрушиться могут,

Чем народиться опять; оттого те предметы, что в годы
Давнопрошедшие и в продолженье веков многолетних
Были раздроблены, сокрушены и распались на части,
Восстановиться опять не могли бы в позднейшее время.
Ныне мы знаем уже, что пределы делимости тела
Прочно поставлены, все потому возрождается в мире.

Возраст известный при этом назначен для каждой породы,

Чтобы цветущей поры своей жизни она достигала.

Должен добавить я: как бы материя разных составов
Ни была сплочена, все же способна она размягчаться
И, подвергаясь влиянию силы какой-нибудь, может
Стать чем угодно нам: воздухом, паром, водой и землею.
Наоборот, если б мягкими были первичные тельца,
То не постигли б мы, как из них твердый кремень и
металлы

Произойти бы могли. И природа во всех отношениях
Всех оснований своих лишена бы была совершенно.
Сильны зачатки первичные плотностью и простотою.
Чем же тесней они сплочены, тем они крепче способны
Сдерживать все и притом обнаружить могучие силы.

Если допустим, предел раздробления тел не поставлен,
Все ж несомненно, что кое-какие тела сохранились
От стародавних времен и доныне еще существуют,
Превозмогая опасности всякие и разрушенье.
Но так как хрупкой природою все обладают предметы,
То непонятно нам было бы, как всем телам этим древним
Жизнь сохранить удалось под ударами стольких
столетий.

Вследствие этого точный предел установлен для жизни
И для развития, присущего каждой породе созданий.
И по законам природы всегда установлено точно
Все, что возможно и что невозможно для каждой породы

Без изменения. Даже напротив, с таким постоянством
Все проявляется здесь, что у птиц одного и того же
семейства

Мы замечаем на теле всегда одинакие пятна.

А потому вещество неизменное быть должно в теле
Каждой породы. Когда бы первичные тельца в природе
Были бы склонны меняться как-либо под разным
влияньем,

То никогда мы не знали бы, что породить они могут
Или не могут, какие границы поставлены силе
Разных существ и какие пред ними конечные цели,
И в поколениях родящихся не повторялись бы вечно
Склонности, нравы, движенья, привычки и свойства
породы.

В каждом предмете бывает последняя, крайняя точка;
Точка, которая неуловима для нашего чувства
И, несомненно, частей составных никаких не содержит.
Это – наименьшее тело в природе. Отдельно от прочих
Не существует оно, и значенья оно не имеет,
Так как само существует как часть лишь другого
предмета,

Первая и в то же время последняя. Части такие,
Сходные между собою по роду, теснятся друг к дружке,
Чтобы, сполна, воедино, наполнить природу вещами.
И так как сами они по себе не имеют значенья,
То бытие обеспечить стремятся взаимным сцепленьем.
Но не ввиду только встречи взаимной так сплочены
тельца;

Более в силу тех свойств, что присущи всем тельцам простейшим.

Их уменьшать и урезывать не допускает природа, Оберегая всегда их в себе как зачатки предметов.

К этому: если бы не было в мире наименьшего тела, Тело мельчайшее из бесконечных частей состояло б, И без конца пополам бы делился в нем половины.

Мы бы не видели разницы между мельчайшею вещью И величайшей. Подобно тому, как и в целой вселенной Вещи в числе бесконечны, так каждое малое тело Равным бы образом из бесконечных частей состояло.

Так как противно рассудку то здравому и невозможно Этому верить, то я с убеждением высказать должен:

Что существуют тела неделимые вовсе на части И по природе наименьшие. Если мы их допускаем, То признавать в них должны неминуемо плотность и вечность.

Далее, если б природа творящая не разлагала Все то, что создано ею, на части мельчайшие эти, То из погибших вещей уж создать ничего не могла бы, Так как в телах, состоящих из многих частей, не бывает Необходимых условий материи производящей, Как то: сцепленья различные, вес, столкновенья, удары, Также движение, через которое все возникает.

Вследствие этого, думаю, те, что огонь почитали Производящей материей и из огня выводили Весь существующий мир, далеки чрезвычайно от правды. Муж Гераклит поучал так, первейший застрельщик

сраженья,
Славный туманностью речи скорей средь людей
недалеких,
Чем среди вдумчивых греков, ретивых искателей правды.
Глупые люди всегда почитают и любят не мало
Всякие обиняки, что скрываются между словами,
Правдой лишь то признавая, что слух им приятно
ласкает,
То, что прикрашено блеском речей и красивых созвучий.
Но я спрошу, – почему столь различными могут быть
вещи,
Если и подлинно все они в пламени чистом возникли?
Мы ничего не получим, сгустим ли огонь мы горячий
Или его разредим, если части огня по природе
Однообразны и сходны с огнем вообще в его целом.
Через сближенье частиц увеличим мы пламя;
Эти частицы рассеяв, его мы, напротив, ослабим;
Но ничего не случится другого от этой причины,
В том будь уверен ты; и никогда столь различные вещи
От разреженья огня и сгущенья его не возникли б.

Кроме того, допуская еще пустоту у предметов,
Можно огонь уплотнить и его разредить как угодно.

Те же ученые доводов много противных приводят
И не хотят признавать, что в вещах пустота существует.
Так, из боязни запутаться, путь они верный теряют,
Не понимают притом, что, не будь пустоты в нашем мире,
Все бы сплотилось и телом единственным стало из

многих.

Тело такое, притом, ничего испускать не могло бы,
Как, для примера, огонь, что и свет и пары испускает,
Тем указуя, что он составляет неплотную массу.
Но допускают они, что каким-нибудь образом пламя,
Вдруг уплотнившись, погасло и тем свою суть изменило.
Если б случилось то, как упорствуют все эти люди,
То, несомненно, огонь бы в ничтожество впал
совершенно,
И созидалось все бы тогда из ничточества и, так как
Вещи, меняя свой вид, из пределов своих выступая,
Перестают быть немедленно тем, чем они были раньше;
Все же должно что-нибудь из огня нерушимым остаться,
Иначе будешь ты видеть, как мир весь в ничто обратится
И из ничточества вновь совокупность вещей разовьется.

Ныне нам ясно: тела существуют на свете такие,
Кои всегда неизменной природу свою сохраняют,
Но их присутствие или отсутствие и измененье
Их распорядка меняет порою природу предметов.
То, что тела эти не заключают огня, – видит каждый.
Если б природа вселенной в себе лишь огонь заключала,
То прибавляй, убавляй что угодно, а также
Телец порядок меняй, ничего получиться не может:
То, что огнем рождено, лишь огнем и должно оставаться.
Вот мое верное мнение. Тела существуют такие,
Кои их стеченье, порядок, движенье, фигуры и формы
Вызвать способны огонь. Изменяя свое положение,
Также природу меняют они. Но с огнем у них сходства

Нет, как и с теми вещами, от коих могли бы частицы
К нашему чувству нестись, чтоб задеть его
прикосновеньем.

Да! Говорить, что весь мир есть огонь, утверждать
с Гераклитом,

Будто бы всякая вещь не считается истинной вещью,
Если она не огонь, – нахожу я весьма сумасбродным.

Борется с чувством философ тот и против доводов
чувства,

Ниспровергая все то, от чего достоверность зависит,
И через что он же сам получил об огне представление.
Он признает, что познать можно с точностью чувством
лишь пламя,

Все отрицая другое, будь даже оно очевидно.

Мнение такое считаю я вздорным и прямо безумным.

Где ж мы найдем достоверность? И что есть надежнее
чувства,

С помощью коего правду всегда мы от лжи отличаем?

Но почему предпочтительней все отрицать без разбора,
Только огню одному придавая значенье в природе,
Чем отрицать в ней огонь, признавая лишь все
остальное?

То и другое, могу я сказать, одинаково глупо.

А потому, кто материей мира огонь почитает

И полагает, что сущее все из огня сотворилось,

Равно и те, кои воздух началом творенья считают,

Или по мнению коих вода своей собственной силой

Образовала все вещи, и кто, наконец, утверждает,

Что создала все земля, претворившись в природу вещей
всех, —

Все удаляются очень от истины, я полагаю.

Также и те, кои предполагают двойное начало:

Воздух примерно с водой сочетают, а воду с землею;

Кто, наконец, из стихий четырех этих мир образует:

То есть из пламени, влаги, земли и воздушных течений.

Между последними стал во главе Умпедокл
Агригентский.

На берегах своих вырастил остров его треугольный⁹,
Влагой Ионийского моря омытый в широких заливах,
Там, где лазурные волны холодную тину кидают,
Там, где, чрез узкий пролив протекая стремительно, море
Берег Сицилии от Италийской страны отделяет.
Здесь на просторе Харибда лежит. Здесь и Этна вещает
Рокотом грозным своим о пылающем скопище гнева,
Что из расщелин открытых огня извергает потоки
И небосводу огонь молньеносный назад возвращает.
Эта страна удивление вызвала разных народов
Вследствие многих причин, и достойна она обозренья,
Многими благами славясь и силой оружия граждан.
Но изо всех этих благ, как мне кажется, самым
прекрасным
Самым святым, драгоценным, вниманья достойным был
муж тот,
Так как в божественном сердце его зарожжденные песни
Громко звучат до сих пор, излагая такие открытья,
Что человеком едва мы его признаем по рождению.

Он, как и много других, упомянутых раньше ученых,
Ниже стоящих его и сравнительно более мелких,
Хоть и измыслили многое по вдохновению свыше,
Из глубины сокровенной сердец изрекли свое мнение,
Все ж оно праведней и достоверней во всех отношениях
Пифии, что на треножнике в Фебовых рощах вещает.
Да, потерпели крушение они в объясненьи природы,
Но в величавом паденьи великими все ж остаются.

Прежде всего, исключив пустоту из предметов, движение
Все же они признают, допускают при этом неплотность
Разных вещей, пустоту отвергая как примесь в составе
Воздуха, пламени, солнца, земли и плодов, в животных.
Далее, также конечных пределов в делимости тела
Не допускают они и не ставят границы дробленью;
Тела наименьшего также в вещах признавать не желают.
Между тем видим мы в каждом предмете предельную
точку,
Что нашей мысли дает себя знать, как наименьшее тело.
Ты убедиться в том можешь, что крайняя точка
предметов,
Неуловимая глазу, и есть их наименьшее тело.
Кроме того, все первичные тельца вещей, по их мнению,
Мяжки, а значит, являют позднейшее происхождение
И состоят из материи хрупкой, подверженной смерти.
А потому обратиться в ничто вся природа должна бы;
И сотворенный в ничтожестве мир разрастался бы снова.
То и другое, как ты понимаешь, далеко от правды.
Тельца такие враждуют притом меж собою и служат

Ядом друг другу. Сошедшись, они бы погибли от тренья
Или же врозь разметались подобно тому, как при буре
Молнии, ветры и дождь разлетаются, как мы то видим.
Если рождается все из стихий четырех и, напротив,

Если все вещи по смерти туда возвращаются снова,
То почему же стихии началом вещей всех зовутся,
А не зовутся все вещи началом, родившим стихии?
Тут ведь одно из другого рождалось бы, вид и окраску,
Как вообще всю природу, меняя свою постоянно?

Может быть, думаешь ты, что сплотился в едином составе
Воздух небесный с землею, с огнем и росистою влагой,
Не изменяя при этом ни в чем своих свойств
прирожденных?

Но из такого состава создать ничего ты не можешь:
Ни оживленных существ, ни безжизненных тел, ни
деревьев.

И в сочетаниях даже различных стихии покажут
Каждая свойства свои. Так что воздух, с землею
смешавшись,

Тотчас себя обнаружит, и жар сохранится во влаге.
Все же первичным началам в рожденных созданиях
должно

Скрыто природу свою проявлять незаметным влияньем,
Во избежанье препятствий к тому, чтобы эти созданья
Все народиться могли бы в присущих им собственных
свойствах.

Ищут те люди начала на небе в огнях его светлых,
Мысль проводя, что впервые огонь превратился в теченье
Воздуха, этот последний дожди накопил, из дождей же
Образовалась земля. Из земли создалась, напротив,
Сызнава влага, из влаги же воздух, из воздуха – пламя.
Так производится будто бы смена веществ, нисходящих
С неба на землю и вновь восходящих к светилам
небесным;

Но не бывает того с основною материей мира,
Кое-что вечно должно неизменным остаться в природе,
Чтобы в ничтожество впасть не могли сотворенные вещи,
Так как все вещи, меняясь, пределы свои престоупая,
Перестают быть немедленно тем, чем они были прежде.
А потому те стихии, о коих недавно сказал я,
Будучи склонны меняться, должны непременно
создаться

Из чего-либо иного, что вовсе меняться не может;
Иначе до основанья весь мир твой в ничто превратится.
А потому согласишься ты скорее, что некие тельца
Свойством таким снабжены. Если пламя они образуют,
То равным образом могут создать дуновение ветров,
Кое-чего понемногу прибавив к себе иль отбросив,
Иль изменив положенье свое и порядок движенья.
Так одни вещи посредством других изменяются вечно.

Ты возразишь: указывает всегда очевидность, что в область
Воздуха все существа из земли вырастают. К тому же
Если погода не благоприятствует в нужное время,
Если от гроз и дождей проливных не колеблются рощи,

Если и солнце не явит себя, теплоту разливая, —
То вырастать ни плоды, ни деревья, ни звери не могут.
Истинно: если бы твердая пища и сладкий напиток
Не подкрепляли нас, наши тела уж давно бы распались,
И отлетела бы жизнь вся из наших суставов и членов.
Но подкрепляемся мы, без сомненья, и в пищу приемлем
Вещи и дни, а создания другие приемлют иное.
Так как в составе различных вещей заключается много
Телец первичных, присущих и прочим вещам, то,
конечно,
Необходимо, чтоб вещи одни подкреплялись другими.
Много значенья имеет и то, с чем первичные тельца
Связаны, и положение, какое они занимают;
Также и то, каким образом в них происходит движение,
—

Так как из той же материи созданы небо и солнце,
Море и суша, и реки, и лес, и живые все твари,
Только различный состав и движение они заключают.
Множество букв одинаких ты в песнях моих замечаешь,
Все же стихи и слова меж собой совершенно не схожи
И отличаются сутью своей и оттенками звуков.
Азбука выразит многое перестановкой одною,
Но еще многообразнее тел родовых сочетанья,
Чтобы оттуда могли возникать разнородные вещи.

Взглянем теперь мы на гомеомерию Анаксагора,
Как называется это ученье у греков, – родное
Наше наречье названием точным его не снабдило.
Все-таки суть мирового порядка, что носит название

Гомеомерии, очень легко мы изложим словами.
Анаксагор поучает, что кость состоит из мельчайших
Косточек; равным же образом мясо из мелких частичек
Мяса слагается; также и кровь, что течет у нас в жилах,
Образовалась из множества слившихся капелек крови.
Воздух таким же путем составляют мельчайшие крошки
Воздуха, и из мельчайших частиц земляных создалась
Наша земля, как из пламени – пламя, а влага – из влаги.
Прочее, думает он, образуется тем же порядком,
Но отрицает он, что пустота существует в предметах,
Так же как то, что дробление тела имеет границы.
Кажется мне, потому он впадает в двойную ошибку,
Как и мыслители те, о которых мной сказано выше.
Кроме того, у него слишком хрупки первичные тельца.
Если они одинакие свойства содержат с вещами,
Кои от них происходят, и действия их одинаки,
И погибают они и ничто не мешает им гибнуть,
Что же тогда бы от них сохранилось при натиске
сильном?
Что избежало б в них гибели между зубами у смерти?
Воздух, вода иль огонь? или кости и кровь? иль иное?
Нет, мне сдается, ничто; и тот мир, что из сходных с ним
телец
Создан, подвержен всегда будет смерти, без всяких
сомнений,
И на глазах наших действием сил каких-либо погибнет.
Но невозможно, чтоб вещи в ничто обратились, а также
—
Чтоб создались они из ничего, как доказано выше.

Кроме того, так как пища растит и питает нам тело,
Следует нам согласиться, что кровь наша, кости и жилы,
Словом – все тело включает в себя чужеродные части.
Если допустим, что вся наша пища есть сборное тело
И заключает в себе в уменьшенном значительно виде
Кости, и всякие жилы, и части запекшейся крови,
То мы признаем, что также питье, как и твердая пища,
Видимо, из чужеродных слагается разных частичек,
То есть смешения косточек, жил и запекшейся крови.

Далее. Разного рода тела из земли вырастают.
Если уж в самой земле обретается все то, что ею
Создано, то и земля состоит из частей чужеродных.
В тех же словах приложу я пример свой к предмету
другому.
Если скрывается в дереве пламя с золою и дымом,
То состоит само дерево это из тел чужеродных.
Также и почва, питая тела и плодя их, должна вся
Из чужеродных вещей, возникающих в ней, составляться.
Здесь остается еще одно тонкое средство защиты,
Анаксагором приятное. Он говорят, что к вещам всем
Скрыто, невидимо все без изъятия примешаны вещи,
Но выступает наружу лишь то, чего вмешано больше,
Или же то, что виднее и что на поверхность всплывает.
Мнение такое, однако, далеко от верного взгляда.
В этаким случае злаки, которые жернов тяжелый
Крошит на мелкие части, нередко б на нем оставляли
Признаки крови и прочего, что наше тело питает,

И потекли б капли крови при трении камня о камень.
Равным же образом разные травы должны б были часто
Каплями сладостный сок выпускать, одинакий по вкусу
С тем молоком, что из вымен овцы шерстоносной
сочится.

В глыбах разрытой земли можно было бы часто заметить
Виды различные трав, и плоды, и зеленые ветви.

А наконец, и в расколотом дереве мы б увидали
Множество огненных блесток, таящихся в пепле и дыме.
Но очевидно, подобного произойти не могло бы.

Следует знать, что такого сношенья вещей не бывает,
Но что должны находиться в различных предметах
зачатки,

Общие многим предметам в смешении многообразном.
Но на горах, возразишь ты, высоких бывает порою,
Что от взаимного тренья верхушек двух смежных
деревьев,

Силой могучею южного ветра сведенных, неожиданно
Яркий огонь, охвативши их оба, блестит и сверкает.
Это бывает. Но в дереве все же не кроется пламя.

Пламени в нем лишь зачатки таятся, которые треньем
Соединяются вместе, лесам причиняя пожары.

Если б готовое пламя таилось в лесах постоянно,

Верь, ни в какое бы время оно не могло укрываться,
Но охватило бы все и сожгло бы сады и дубравы.

Чтоб в вышесказанном ты убедился, я вот что прибавлю:
Много имеет значения, как сочетаются тельца

Эти первичные и в положеньи каком пребывают;

Также, какое движенье друг другу дают и приемлют,

Так что, чуть-чуть изменив сочетанья, они образуют
Пламя из дерева. Это и в самых словах мы заметим.
Звуками мы отличаем понятия *ligna* от *ignes*¹⁰,
В буквах почти одинаких слегка изменивши порядок.

Если же ты относительно разных вещей очевидных
Думаешь, что возникать они могут под тем лишь
словьем,

Чтоб обладали зачатки их сходною с ними природой,
То от тебя ускользает понятие телец первичных.
Тельца такие могли б хохотать, сотрясаясь от смеха,
И увлажняли б соленые слезы глаза их и щеки.
Но ободрись! и точнее узнай, что осталось сказать мне,
Не обольщаюсь я: многое темным еще остается,
Но ожиданье похвал поселяет мне в сердце охоту
И в то же время в груди поощряет любовь мою к музам,
С помощью коих я, острым чутьем и умом
подкрепленный,

Темные дебри в полях Пиэрид¹¹ исхожу, где дотолле
Не был никто. Я источников девственных первый
достигну;

Первый оттуда черпну и нарву я цветов себе новых,
Чтобы стяжать для своей головы тот венок знаменитый,
Коим еще до меня никого не украсили музы.

Прежде всего потому, что о важных вещах я толкую,
Души от тесных оков суеверья стараясь избавить.
Ясные песни свои я слагаю, затем, о предметах,
Тьмою объятых, и муз обаянье на мир изливаю.
Это последнее, кажется, не лишено основанья.

Я поступаю, как врач. Когда горькую полынь он ребятам
Маленьким дать пожелает, сперва по краям свою чашу
Сладкою влагой янтарного меда немного он мажет,
Чтоб услаждением губ их неопытный детский рассудок
Ввести в заблуждение. Так без труда поглощаются ими
Горькая жидкость полыни; и этот обман не вредит им,
Наоборот – еще более восстанавливает здоровье.

Так же и я поступаю. Мое рассуждение для многих
Непосвященных покажется скучным; толпа отвернется
Вся от него, и я задался целью учение это
В сладких и звучных стихах Пиэрид изложить пред тобою
И, так сказать, его сдобрить поэзии сладостным медом,
Чтобы хоть этим путем удалось мне стихами своими
Твой испытующий ум направлять, пока ты не узнаешь,
Что составляет природу вещей в проявлениях внешних.

Как я сказал уже раньше, материи плотные тельца
В вечном движении находятся, непобедимы годами.
Ныне посмотрим мы, – есть ли пределы числу этих телец
Или же нет, существует ли то, что зовут пустотою,
То есть пространство и место, в котором все зиждутся
вещи?

Взглянем же, заключено ль оно в целом в предельные
границы,
Иль бесконечно оно в необъятную глубь распростерлось?

Не существует границ ни с одной стороны во вселенной,
Так как в противном и вне ее нечто должно находиться.
Нечто стоящим вне вещи никак мы не можем

представить,
Если в ней нет ничего, что ее означает границы,
Дальше которых она недоступна природному чувству,
Но допустить вне вселенной нельзя бытия никакого.
А потому нет границ у нее, ни конца, ни размеров.
Все равно в странах каких бы тебе ни пришлось
находиться,
Даль одинакая будет во всех направлениях, так как
Всюду вселенная перед тобой бесконечно простерта.

Далее, если мы даже допустим границы пространства
И предположим, что некто, успешно достигнув
Края предельного, выстрелил там бы снарядом летучим,
То полетел ли бы этот снаряд по тому направленью,
Все дается ему приложением силы известной,
Или же что-нибудь там на пути бы ему помешало?
С тем иль с другим согласиться ты должен во что б то ни
стало.

То и другое тебе доставляет решение, которым
Ты убеждаешься, что безгранично пространство
вселенной.

Так как понятно, что пущен снаряд не у самого края,
Ни при том случае, если б лететь ему что-то мешало,
Ниже тогда, если б он в самом деле унесся в
пространство.

Так вот тебя я преследовать буду: в какое бы место
Выстрела ты ни направил, спрошу я: что стало с
снарядом?

Значит, в пределах конечных пространство замкнуться

не может,

И от летящего вечно вселенная цель удаляет.

Если б к тому же пространство вселенной во всем ее целом

Замкнуто было кругом и в известных пределах лежало

И находился конец в нем, давно б вся материя мира,

Собственной тяжестью книзу влекома, слилась с преисподней,

И ни одно существо не росло бы под сводами неба.

Не было б самого неба, – и солнца лучи не светили б,

Так как, в комок бы свернувшись, материя косо лежала

И оставалась бы так от времен бесконечных навеки.

Ныне же, знаем мы, косности в первоначальных зачатках

Нет никогда и нигде, как и нет вовсе дна, где могли бы

Эти зачатки стекаться и там пребывать без движенья.

Все нарождаются вещи всегда в беспрестанном движеньи.

Всюду во всей необъятной вселенной они почерпают

Из бесконечности быстрые тельца материи вечной.

Видим же мы, наконец, как одна вещь граничит с другою:

Воздух вершинами гор ограничен, а воздухом – горы;

Море – граница земли, у земли же кончается море.

Но ничего нет такого, что мир ограничить могло бы,

И таковая природа присуща пространству и месту.

Пусть бы река величаясь, вдаль устремившая воды,

Вечно струи бы катила свои в бесконечном пространстве,

Все ж она не была б ближе к концу, чем была при истоке.
Так далеко простирается всюду по всем направлениям
Сонмище неисчислимых вещей без конца и пределов.
Строго природа блюдет, чтоб вещей совокупность
пределов

Ставить себе не могла, между тем как тела пустотою
Принуждены ограждаться всегда, пустота же — телами.
Этим взаимным воздействием сделался мир
бесконечным.

Если б одно для другого границею не было точной
В силу природы самой и лежало бы все без пределов,
То ни морей, ни земли, ни простора небес лучезарных,
Также ни рода людей, ни священного тела бессмертных
Существовать не могло бы и самое краткое время.
Множество тел, отложившись от массы материи общей,
Вечно б носилось тогда, в пустоте растворяясь
громадной.

И никогда бы они не сплотили какой-нибудь вещи,
Так как сдержать их при том беспорядке ничто не могло
бы.

Истинно: тельца первичные все при своих сочетаньях
Твердым порядком и ясным сознанием не руководились
И не условились раньше, какое кому дать движенье,
Многообразно меняясь во всем бесконечном
пространстве,
Пробуя всякие роды движения и сочетаний,
Силой ударов, толчков непрестанно они потрясались

И наконец оказались в тех положениях, в которых
Вся совокупность вещей сотворенных находится ныне.
Раз сообразное между телами движение явилось,
То они долгие, многие годы его сохраняют;
И оттого происходит, что реками жадное море
Воды питает свои и что солнцем согретая почва
Новые родит плоды, процветают породы животных
И в небесах, по эфиру блуждая, сияют светила.

Но это все не случилось никоим бы образом, если б
Масса материи из бесконечности не возникала,
Где постоянно погибшее все возрождается к жизни.
Так же, как жизнь угасает животных с утратой тела,
Пищи лишенного, должен погибнуть весь мир
несомненно,
Если материя вечная, с правильной сбившись дороги,
Вдруг перестанет природу снабжать родовыми телами.

Также и внешним влияньем толчков сохранить
невозможно

Всю совокупность вещей, как она поначалу сложилась.
Правда, толчки, повторяясь, могли б сохранить их
отчасти

До появления новых веществ, чтоб утрату пополнить.
Но так как эти толчки отражаться должны непременно,
Предоставляя зачаткам первичным пространство и
время,

Чтоб уноситься свободно долой, оторвавшись от массы,
То, значит, нужно, чтоб множество тел обновлялось

вечно.

Даже влиянье указанных внешних толчков допуская,
Здесь проявиться должна бесконечной материи сила.
В этих вещах ты всегда избегай заблуждения, Меммий,
Будто бы к точке срединной вселенная вся тяготеет,
А потому безо всяких воздействий, извне исходящих,
Существовать бы могла, и ничто в ней ни кверху, ни
книзу

Не отлагается, так как теснится тут все к середине.
Не доверяй, чтобы вещи держались сами собою,
Чтобы тяжелая масса камней, под землею лежащих,
Вверх поднималась вдруг и потом опускалась обратно,
Напоминая нам то, что мы в волнах всегда замечаем.

Равным же образом нам говорят, что живые создания
Прямо под нами живут, но с земли ни упасть невозможно
В области нижние неба, подобно тому как не можем
Собственной силою мы подниматься ко сводам
небесным;

Будто бы видят создания те солнце, когда у нас звезды;
Будто бы их время года всегда чередуется с нашим
И одновременно с нашими днями их ночи бывают.
Людям пустым внушено это все заблуждением вздорным,
Так как уж с первых шагов их понятия были превратны.
Где бесконечно пространство и место, что-либо не может
Быть в середине; и если б была середина, то в ней бы
Все помещаться не больше могло, по той самой причине,
Нежели в месте любом, далеко от нее отстоящем,
Так как пространство и место, что мы пустотой называем,

—
Будь серединой она или нет, – уступать в равной мере
Тяжестям всяким должно и движение в нем происходит.
В мире нет места такого, достигнув которого, вещи,
Тяжесть утратив свою, в пустоте находиться могли бы;
И оттого, что всему пустота уступает дорогу,
По своим свойствам она ничего поддержать не способна.
И таким образом держатся вещи в известном порядке
Не потому, что стремление одно их влечет к середине.

Предполагают затем, что не всякому телу присуще
К этой середине тянуться, а землям, к примеру, и водам,
Волнам морским и потокам, что с гор ниспадают
высоких,
Словом, тому, что как будто земные тела заключает.

Воздух прозрачный, согласно такому учению, напротив,
Как и палящий огонь уклоняются от середины,
Так: теплота, от середины стремясь, свое пламя скопляет,
И оттого вокруг звезд трепетанье эфира бывает,
И среди неба лазурного солнце собирает огонь свой.
Но не таким ли путем от земли все питаются твари?
Вверх не могли бы расти у деревьев зеленые ветви,
Если б земля понемногу питания им не давала.
Сверху, по этому мнению, все сущее небом покрыто,
Чтоб по летучему свойству огня за пределы вселенной
Не улетели светила, в пространстве пустом исчезая
И целый мир увлекая вослед за собою туда же;
И чтоб не рушились из-за небес громоносные выси,

Чтобы внезапно земля из-под ног не исчезла и мир весь,
Перемешавши обломки небес и земли в беспорядке
И разложившись на части, не впал в пустоту
преисподней,
Так что со временем здесь ничего не осталось бы больше,
Кроме пустыни пространства и темных зачатков
природы.

Да, в какой части ни стали б слабеть родовые зачатки,
Часть эта станет немедленно дверью открытою смерти,
Через которую выйдет материя вся без остатка.

Все тут одно из другого становится ясным, и, если
Понял меня ты, труды приложив небольшие, с дороги
Ночь не собьет тебя больше, и узришь ты тайны природы.
Так одна вещь постоянно должна освещаться другою.

Книга вторая

Выгоды мудрости и мудрой жизни. Тщета честолюбия и человеческих забот. Движение первичных телец. Двойное происхождение движения: 1) от собственной тяжести и 2) от толчков. Образование твердых тел, воздуха, огня путем движения зачатков. Движение телец в своем первичном несвязанном виде, наблюдаемое в лучах солнца. Быстрая подвижность телец. Сравнение с быстротою света. Движение тел вниз под влиянием тяжести. Незаметные отклонения от прямого пути и связь свободной воли с такими отклонениями у живых существ. Неизменяемость состава материи и порядка движения. Доказательство движения, несмотря на его невидимость. Стадо и войско, видимые издалека. О различных формах первичных телец. Количество форм ограничено, но различие между вещами бесконечно. Нет особой, вполне похожих одна на другую. Доказательства. Различие телец по величине и по форме. Примеры. Гладкие, круглые формы производят приятные ощущения, крючковатые же и цепкие – неприятные. Доказательства. Вкус. Слух. Обоняние. Зрение. Осязание. Разная плотность вещей, объясняемая формой первичных телец (минералы, жидкость). Острые тельца огня. Смешанный состав телец. Пример: морская вода и ее опреснение. Формы первичных телец ограничены (доказательство), но количество зачатков каждой формы беско-

нечно (доказательство). Вечное смешение благоприятных и неблагоприятных для жизни движений. Каждая вещь состоит из смеси зачатков, и чем более в ней свойств, тем разнообразнее зачатки. Пример – земля. Земля по представлению поэтов. Культ Кибелы. Боги как олицетворение разных сил природы. Другие примеры разнородности телец в вещах (стада, огонь, жертвы, стихи). Не все тельца могут сочетаться; оттого не бывает чудовищ. Первичные тельца бесцветны (доказательство). Цвета вещей происходят от форм и соединения зачатков. Примеры. Зачатки недоступны действию холода и жара и не имеют запаха, вкуса, гибкости, пустоты и других качеств вещей. Зачатки живых существ лишены чувства (доказательство). Кроме нашего мира, существует бесконечное число таких же миров, так как ничто одиноким не бывает. Все должно родиться, расти, стареть и умирать. Земля находится на закате своего существования и мало-помалу утрачивает свою производительность.

Сладко, когда на поверхности моря, взволнованной
ветром,
С берега ты наблюдаешь большую опасность другого;
Не потому, что чужая беда тебя радует сильно,
А потому, что приятно себя вне опасности видеть.
Также приятно смотреть на могучие подвиги брани,
Стоя вне поля сраженья, на месте вполне безопасном.
Но ничего нет милее, как жить в хорошо защищенных
Храминах светлых, воздвигнутых славных учением

мудрых.

Можешь оттуда людей разглядеть ты и их заблуждения,
Видеть, как ищут они в колебаниях путей себе в жизни,
Как о способностях спорят они и о знатном рождении,
Ночи и дни напролет проводя за трудом непрерывным,
Чтобы достигнуть богатства большого и власти высокой.
Жалкие души людские! Сердца ослепленные смертных!
В скольких опасностях жизни, в каких непроглядных
потемках

Тянется краткий ваш век! Неужели для вас непонятно,
Что ничего для природы не нужно иного, как только
Сладостным чувством души наслаждаться спокойно, из
тела

Всякую боль устранив и откинув весь страх и заботы?
Мы наблюдаем, что нашему телу по самой природе
Нужно немного, чтоб из него удалить все страдания
И вместе с тем ему много доставить таких наслаждений,
Слаще которых не требует даже оно от природы.

Если в дворце твоём нет золотых изваяний, что в виде
Отроков юных лучистые факелы держат в десницах,
Пусть освещаются пиршества ночью светилами неба.
Если твой дом серебром не сверкает и златом не блещет,
В сводах его разукрашенных звуки кифары не льются,
Все же ты можешь, на мягкой зеленой мураве
простершись,

На берегу ручейка, под ветвями тенистых деревьев
И без малейших хлопот усладительный отдых дать телу;
А особенно, когда улыбнется весна и цветами
Всюду она окропит изобильно зеленые травы.

Жар лихорадки спадет не скорей в твоём теле, когда ты
На разукрашенных тканях лежишь иль на пурпуре
красном,
Чем когда должен покоиться ты на простом покрывале.
В силу того, так как прибыли нашему телу нисколько
Не принесут ни богатство, ни слава, ни знатность
рожденья,
То для души это лишнее также и вовсе без пользы.

Может быть, впрочем при виде твоих легионов на поле,
В пламенном рвении готовых сражения зрелище вызвать,
Или же флота, снующего по морю с жаждой сразиться,
Страх наводящие вероученья от этих предметов
Робко покинут твой дух, а боязнь перед смертью оставит
Сердце свободным в тебе и лишенным забот
всевозможных?
Все эти вещи нам кажутся шуткой и детской забавой.

Вправду, боязнь человека и многие всюду заботы
Не устрашают звуком оружия и стрел не боятся.
Между царями они и владыками мощными мира
Смело возвращаются и не питают почтения ни к блеску
Золота, ни к красоте ослепительной пурпурных тканей.
Можешь ли ты сомневаться, что только по бедности
мысли
Большую частью во тьме совершается жизнь человека?
Так как, подобно детям, что дрожат и вещей всех боятся
В мраке ночном, и мы также страшимся иного при свете.
А между тем ничего нет, чего нужно больше бояться,

Нежели вымыслов, ночью детей напугать лишь
способных.

Ныне не стрелами яркими дня и ни солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачение духа,
Но изучением и толкованьем законов природы,
Ныне скажу я, какие движенья зачатков первичных
Разные вещи рождают, родивши же, вновь разлагают;
Сила какая к тому их толкает; какая подвижность
Придана им, чтоб они чрез пространство могли
пробираться.
Все это я изложу; ты ж внимателен будь к моей речи.

Части материи между собою не сомкнуты плотно.
Видим мы, как уменьшаются многие вещи в объеме
И в продолжение долгого времени, так сказать, тают,
И наконец даже вовсе из глаз исчезают под старость,
Между тем вся совокупность вещей остается все той же.
Могут тела отлагаться от вещи; и там, где отходит,
Вещь уменьшается, где же привходят, — она возрастает,
Так что одно расцветает, другое же старится ими.
Косность вещам не присуща, но все обновляется вечно.
Смертные все существа постепенно живут, чередуясь:
Племя одно возрастает, другое же чахнет, напротив;
И поколения животных сменяются в краткое время,
Передавая на быстром ходу факел жизни друг другу¹².
Думая, что прекратить все движения могут зачатки
И вслед за тем возбудить меж вещами ряд новых
движений,

Ты уклоняешься очень далеко от верного взгляда.
Вечно в пространстве блуждают они и должны
непрерывно
Или от действия собственной тяжести прочь относиться,
Или же силой толчка, когда, встретившись в быстром
движении,
Вдруг они в разные стороны вновь оттолкнутся взаимно.
Неудивительно то, так как тельца первичные тверды,
Плотны и тяжки и двигаться вспять им ничто не мешает.

Чтобы ты лучше постиг, как частицы материи могут
Распространяться повсюду, припомни, что в целой
вселенной
Нет преисподней, где эти частицы могли б застояться,
И не имеет пространство вселенной конца и размеров.
Всюду оно безгранично открыто по всем направлениям,
Как это признано многими на основаниях точных.

Раз установлено это, конечно первичные тельца
Не обретают покоя нигде в необъятном пространстве,
Но пребывают всегда в непрерывном различном
движении.
Часть их, столкнувшись, расходится на расстояние
большое,
Часть от толчков на коротком пространстве сцепляется
вместе.
Те из первичных зачатков, что в плотном составе слились
И недалеко при встрече своей оттолкнулись взаимно, то
Вследствие самых фигур своих спутанных связаны

крепко.

Эти тела образуют могучие скалы, железо

И небольшое количество прочих вещей однородных.

Те же, напротив, тела, что, блуждая в пространстве огромном,

Распространяются вширь с быстротою и вдаль отлетают

На расстояние, значительно большее, – нам доставляют

Воздух неплотный и яркого солнца лучи золотые.

Много такого еще в необъятном пространстве витает,

Что не вошло ни в какие составы вещей и к тому же

Не в состоянии соединиться взаимным движеньем.

Как образец и пример таких тел мне не трудно припомнить

То, что в природе у нас на глазах происходит нередко.

Именно: это всегда наблюдаешь ты в солнечном свете,

Что в твоём доме лучи свои сквозь темноту пропускает.

Ты замечаешь, что множество мелких частиц разнообразных

Вертится тут в пустоте меж лучами дневного светила.

Будто бы в вечном сражении, в битвах и распрах жестоких,

Вместе толпятся они непрерывно и без остановки;

Сходятся в кучу и врозь разлетаются многообразно.

Можешь по этому ты заключить, как первичные тельца

Распространяются вечно среди пустоты необъятной.

Малые вещи для более крупных пород доставляют

Ясный пример, а порой к достоверности путь указуют.

Вот потому-то внимание твое привлекать должны сильно

Тельца такие, которые можешь в лучах ты заметить,
Так как подобные скопища правильно обозначают
Существование в материи скрытых от глаза движений.
Часто ты видишь, как вследствие разных толчков
неприметных
Тельца меняют свой путь, как, столкнувшись, назад
отступают
И то туда, то сюда пролетают по всем направлениям.
Значит, от этой причины сумятица в них происходит.

Двигутся сами собою сначала первичные тельца.
Вследствие многих толчков незаметных приходят в
движение
Тельца, которые малы и сплочены менее тесно
И как бы больше доступны воздействию сил
первобытных.
Дальше, затем возбуждаются тельца немного крупнее;
И таким образом все возрастает движение, доколе
Нашему чувству отчасти не даст себя знать в том
блуждании
Маленьких телец, которое можем в лучах мы увидеть,
Но от каких происходит толчков это, – нам незаметно.

Ныне узнать тебе надобно, Меммий, какая подвижность
Придана этим частицам материи первоначальным.
Утром, как только Аврора рассеет лучи над землею
И разнообразные птицы по чашам лесным запорхают,
Песнями звонкими воздух прозрачный везде оглашая,
Мы убеждаемся, что очевидной для каждого станет

Та быстрота, с какой солнце в обычную пору восхода
Мир весь объемлет, лучей своих свет проливая на землю.
Но теплота, что идет к нам от солнца, и свет его ясный
Не чрез пустое пространство проходят и тише несутся
К нам, так как с воздухом, будто с волнами, бороться им
нужно.

Кроме того, не отдельно частицы тепла проникают,
Но меж собою сомкнутые в шарообразные формы.
Вследствие этого сильно стесняют друг дружку, а также
Держит извне их препятствие, что заставляет их медлить.
Между тем тельца первичные, кои суть плотны и просты,
Чрез пустоту проникая, преград никаких не встречают
Внешних, и так как они состоят из одной только части,
То как единое целое, тронувшись с места, несутся,
Так что гораздо быстрее они солнца лучей пробегают
И, несомненно, своею подвижностью их превосходят.
Множество раз пробегают зачатки в такое же время
То расстояние, что солнца лучи только раз пробегают.
Для размышления также не медлят в движении зачатки
И не исследуют каждый в отдельности всех
обстоятельств,
Чтобы узнать, по законам каким все на свете творится.

Но возражают иные невежды по этим вопросам,
Будто природа сама без участия богов неспособна
Приспособляться настолько ко всем человеческим
целям:
Устанавливать время года, плоды создавать на деревьях,

И создавать также то, к чему всех заставляет стремиться
Страсти божественной сила, наставница главная жизни,
—

Чтобы от ласки Венеры создання плодились вовеки,
Чтоб не погиб человеческий род, для которого будто
Боги все создали в мире. При мнении таком, очевидно,
Очень далёко отброшены люди от верной дороги.
Так как хотя б неизвестны мне были первичные тельца,
Я бы посмел утверждать по строению самого неба
И заключать из большого количества прочих явлений,
Что не для нас была призвана к жизни божественной
силой
Мира природа, в которой погрешностей столько
найдется.

Все это, Меммий, в дальнейшем учении тебе объясню я;
Ныне ж дополню я то, что осталось сказать о движении.
Я нахожу здесь уместным тебе доказать между прочим,
Что из вещей ни одна своей собственной силой не может
Вверх вознестись своим телом и там наверху удержаться.
Пусть же при этом тебя не введет в заблуждение пламя.
Правда, оно поднимается и разрастается кверху;
Кверху растут тоже чистые злаки, равно как деревья,
Но это все в силу собственной тяжести клонится книзу.
Так что, когда к самой крыше домов пробирается пламя
И с быстротою огонь пожирает стропила и бревна,
Мнишь ли, что то самовольно творится, без силы
сторонней?
Или, как только из нашего тела мы кровь выпускаем,

Брызжет она высоко и струит свои теплые соки.
Равно, как видишь ты, с силой какою вода выпирает
Всякие брусья и доски. Чем больше мы их погружаем,
С силой огромной и крайним трудом подавляя их книзу,
Тем настоятельней вверх выпирает вода их обратно,
И еще больше они выдаются, наружу всплывая.

Но тем не менее, в сущности, я не питаю сомненья,
Что тяготеют все вещи в пространстве пустом прямо
книзу.

И таким образом пламя хотя и бывает способно
Вверх подниматься на воздух от силы сторонней, а все же
Вниз оно склонно тянуться, поскольку в нем действует
тяжесть.

Также и факелы ночи, что в небе витают высоко;
Разве не видишь ты огненный след, оставляемый ими
В том направлении, куда их природа идти заставляет?
Или не видишь ты звезд и светил, упдающих наземь?
Солнце с высот небосвода свою теплоту разливает
Всюду, по всем направлениям и свет на поля рассеивает;
Значит, и солнечный жар вниз на землю склоняется
также.

Ты замечаешь, как молнией пересекаются тучи,
По облакам то туда, то сюда огоньки пробегают,
Обыкновенно же падает пламени сила на землю.

Надобно знать тебе также и то в настоящем предмете,
Что, когда тельца первичные вниз в пустоту уппадают

Вследствие собственной тяжести, то в неизвестное время
И в неизвестных местах отклоняются чуть-чуть с дороги,
Столь незаметно, что можно едва это звать отклоненьем.
Если б первичные тельца, как капли дождя, прямо книзу
Без отклонения падали вместе в пустое пространство,
То не встречались они б никогда и толчки не возникли б,
И ничего уж природа тогда создавать не могла бы.
Если кто думает, будто тела, тяжелейшие весом,
Прямо в пространстве пустом проносясь с быстротою
великой,
Падают сверху на более легкие и производят
Этим толчки, что способны творящие вызвать движенья,
—
То уклоняется очень далеко от верной дороги.

Всякое тело, что падает вниз через воду и воздух,
Собственной тяжестью это паденье всегда ускоряет.
Жидкой воды вещество, как и воздух, весьма
легковесный,
В равном размере падение тел всех замедлить не могут,
А уступают скорее дорогу телам тяжелейшим.
Но пустота никакому предмету, нигде, ниоткуда
Не в состоянии вовсе оказывать сопротивленья,
Так как всему поддаваться должна уж по самой природе.
Вследствие этого вещи, которые разнятся весом,
Падать должны одинаково все в пустоте неподвижной.
Так что не может в падении на легкое тело наткнуться
Более тяжкое и произвести здесь толчка неспособно,
Чтоб изменить то движенье, которым все зиждет

природа.

Я повторяю: в падении тельца должны отклоняться
Несколько, как можно меньше, чтоб мы за косое
движенье

Это принять не могли вопреки справедливому взгляду.
Ибо везде замечаем наглядно мы сразу, что тело,
Падая вследствие собственной тяжести сверху, не может
Двигаться вбок в направлении косом, — в том легко
убедиться.

Но, что с дороги прямой при падении тела совершенно
Не уклоняются, — чей это взгляд в состоянии заметить?

Далее, если б движения все были связаны вместе,
В определенном порядке одни из других возникая,
И, уклоняясь с пути, не вводили в первичные тельца
Неких начал, кои могут нарушить судьбы повеленье,
В силу которого следствие вечно идет за причиной,
То отчего у созданий живых происходит свобода?
Где же источник, спрошу, от судьбы не зависящей воли,
Вследствие коей идем мы туда, куда тянет охота?
Не сообразно со временем мы изменяем движенье,
Не по условиям места, а по указанию рассудка.
Ибо сомнения нет, что толчок здесь дает наша воля,
И из нее лишь во все наши члены исходит движенье.
Ты не видал ли в мгновенье, когда загородку спускают,
Как скакуны беспокойно пытаются с места сорваться
С силой стремленья, к какой вынуждает их воля?
Чтоб существа могли следовать всем повеленьям
рассудка,

В теле их необходимо должны воедино собраться
Тельца материи все, возбужденные всюду в суставах.
Как ты здесь видишь – начало движения в сердце родится
И возникает впервые из воли, что в духе сокрыта,
А уж оттуда оно сообщается целому телу.

Дело другое, когда мы подвержены внешним влияниям
Силой стороннею и принуждением властным влекомы.
Ясно, что в случае том существо всего нашего тела
Движется недобровольно, насильно, от нас не завися,
Вплоть до тех пор, пока воля в нас членами не овладеет.
Значит, и в случае том, когда внешняя сила гнетет нас
И побуждает порою нас к недобровольным поступкам,
Прочь отвлекая от цели, то все же живет в нашем сердце
Нечто такое, что может бороться, противиться силе;
Нечто такое, чьему повелению должна подчиняться
Вся совокупность частиц в нашем теле, в суставах и
членах,
Чтоб, подкрепившись, они возвратились опять к
равновесью.

А потому мы должны признавать, что в движении
зачатков

Кроме толчков или тяжести есть и иная причина,
Именно та, от которой была врождена нам свобода.
(Так как ведь из ничего ничего не могло бы возникнуть.)
Тяжесть препятствует, чтоб от толчков все возникло,
Будто от внешних причин, небольшие ж пути уклоненья
Телец в различных местах и притом в неизвестное время
Служат к тому, чтоб не мог быть рассудок наш связан

Необходимостью определенной при каждом поступке
И не был вынужден все выносить и покорно терпеть все.

Вся совокупность материи не была сжата плотнее
В целом своем никогда, как и не была более редкой,
Так как ничто не привходит в нее и ничто в ней не гибнет.
А потому и движенье, в котором первичные тельца
Вечно бывают, с начала веков оставалось все тем же;
Тем же путем и впоследствии тельца те двигаться будут.

То, что они порождали, рождать при условиях тех же
Будут и дальше они. Существует, растет, здоровеет
Все здесь, поскольку назначено то по законам природы,
И никакое усилие порядок вещей изменить не способно,
Ибо не может ничто из материи прочь отделиться,
Бывши в нее включено; и напротив, не могут ворваться
Новые силы в нее, при посредстве которых возможно
Переиначить природу вещей и порядок движенья.

В этих вопросах то не должно возбуждать удивленья,
Что при таком непрерывном движении телец первичных
Вся совокупность вещей представляется нам
неподвижной,
Кроме существ, коим свойственно двигаться
собственной силой.

Телец первичных природа под спудом таится от чувства
Нашего очень далеко. А все-таки там, где не можешь
Видеть движения ты, в виде скрытом оно происходит.
Даже те вещи, которые можем мы видеть, от взора

Нашего часто скрываются на расстоянии далеком.
Часто по склонам холмов шерстоносные овцы плетутся,
Пищу срывая обильную. Каждую там привлекает
Зелень травы изумрудной, покрытая свежей росой.
Сытые тут же резвятся ягнята, бодая друг друга.
Все это издали кажется нам как бы слившимся вместе,
Будто пятном беловатым на поле зеленого склона.
А точно так же, когда легионы могучие быстро
Сходятся в поле толпой, вызывая тут зрелище боя,
Блеск тут до самого неба несется, кругом же земля вся
Медью доспехов сверкает, и от боевого усердия
Ног всюду слышится топот, и звук голосов, отразившись
В ближних горах, долетает к далеким светилам
вселенной.
Всадники мчатся туда и сюда по равнине широкой,
И от могучего натиска их сотрясается поле.
Все же бывают места на вершинах высоких, откуда
Кажется все неподвижным, а блеск — исходящим от поля.

Ныне ты должен узнать, каковы суть первичные тельца,
Как далеко между ними простерлось различие в форме,
Чем они разнятся между собою по внешнему виду.
Я не скажу, чтобы множество форм у них было
несходных,
Но меж собою они по всему постоянно различны.
Это и неудивительно. Так как вещей совокупность
Столь велика, что, как сказано, нет им числа и пределов,
То и нельзя допустить, чтоб зачатки их все были равны
По очертаньям своим и по внешнему облику сходны.

Вот например: человеческий род наш, создания немые,
Чешуеносные рыбы, ручные животные, звери,
Разные птицы, которые частью при водах прозрачных,
На берегах у ручьев и озер, собираются стаей,
Частью по дебрям лесов беззаботно порхают.
Выбрав любую из этих пород, попытайся взглядеться;
Сразу заметишь ты, как различаются особи видом.
Иначе дети своих матерей узнавать не могли бы,
Мать же детенышей не узнавала б. Тогда как мы видим,
Что они все различают друг друга не хуже, чем люди.
На алтаре перед храмом богов разукрашенным часто
Жертвою падает юный телец в фимиаме душистом.
Теплой струей из груди умирающей кровь вытекает.
Осиротелая мать между тем, среди пастбищ блуждая
И от копытцев раздвоенные в почве следы оставляя,
Всюду кидает свой взгляд, — не найдется ль где-либо
детеныш,
Ею утраченный? Жалобным ревом она наполняет
Леса зеленого свод и не раз возвращается тщетно
В стойло свое, вся проникнута жаждой найти там
питомца.
Ни зеленеющий лес, ни росой окропленные травы,
Ни с берегами крутыми прохладные реки — не могут
Душу утешить ей и от неожиданного горя избавить.
Такие тельцы из породы другой на привольной поляне
Не в состояньи отвлечь ее и облегчить ей заботы.
Так она сильно тоскует о чем-то родном и знакомом!
Так по дрожащему голосу и молодые козлята
Сразу рогатую мать узнают, и бодливые агнцы

Слушают бляные матери. Так по приказу природы
Тянется все к материнскому вымени неудержимо.
Мы, наконец, то же самое видим и в злаках различных.
Колосов двух одинаких в снопе никогда не найдешь ты,
И постоянно меж ними есть некая разница в форме.
Также мы видим нередко, как разного рода ракушки
Лоно земли испещряют, где мягкие волны морские
В бухтах прибрежных порой водососный песок
постилают.

Равным порядком первичные тельца, в движении вечном
Разниться между собой непременно должны по фигуре,
Так как они создавались не чьей-то единой рукою
В форме единообразной, но их создавала природа.

Очень легко разгадать нам при помощи здравого смысла
Те основания, по коим пронзительней молнии пламя,
Нежели пламя земное, что в факелах мы зажигаем.
Можешь сказать ты, что пламя небесное молний
Тоньше и мельче частицы в своем существе заключает,
А потому проникает в отверстия, в какие не может
Пламя пройти, что пылает в дровах или факелах наших.

Кроме того, еще: свет через рог проникает, а влага
В роге держаться должна, оттого что первичные тельца
Света значительно меньше, чем тельца во влаге
прозрачной.

Мы замечаем, что быстро вино вытекает из лейки;
Наоборот, не спеша вытекает ленивое масло —
Или чрез то, что в последнем крупней составные

частицы,

Или чрез то, что плотнее они и теснее сомкнуты;

И происходит из этого то, что не могут частицы

Обособиться одна от другой с быстротою большою,

Чтобы в отдельности каждой пройти сквозь отверстие лейки.

Сверх того надо заметить, что мед и молочная влага

Чувства приятные на языке нам всегда оставляет.

Горькая полынь же и золототысячник дикий, напротив,

Вкусом своим отвратительным морщиться нас заставляют.

Ты узнаешь без труда, что приятно ласкают нас чувство

Те вещества, коих тельца первичные круглы и гладки.

Те вещества же, которые горьки и остры по вкусу,

Цепкие, тесно сомкнутые тельца в себе заключают.

Вследствие этого, чтобы открыть себе путь к нашим чувствам,

Нужно им в наших телах сквозь известные ткани прорваться.

Все, наконец, что приятно и худо влияет на чувства,

Из разнородных по внешнему виду слагается телец.

И не подумай ты, будто пилы неприятные звуки,

Дрожь возбуждая у нас, состоят из частиц столь же легких,

Как сладкозвучный напев музыкальный, что в струнах кифары

Беглые пальцы певца пробуждают искусно пред нами.

Также и тельца, что в ноздри тебе попадают, бывают

Формы различной, когда разлагаются трупы в зловонья
Или когда сицилийский шафран освежает театры
И алтари воскурят богам благовонья Памфеи.

Также не должен ты думать, что из одинаких зачатков
Краски составлены те, что наш взор так приятно ласкают
И в состоянии яркостью слезы в глазах наших вызвать
Или по гнусному виду в нас будят гадливое чувство.
Все, что нам чувство приятно ласкает и ум улаживает,
Создано лишь под условием гладкости телец первичных;
То же, напротив, что нас тяготит и нам кажется
скверным,
В недрах материи некие грубые тельца скрывает.

Тельца бывают еще, кои гладкими мы не считаем,
Но кои вместе с тем также не остры и не крючковаты,
А угловатости в них лишь слегка выступают наружу.
Чувство они нам скорее щекочат, чем боль причиняют.
Сок виноградный сюда отношу я и винные жмыхи.
Жгучий огонь, наконец, и холодные иглы мороза —
Все на свой лад уязвляют чувствительность тела,
Что безошибочно нам осязание всегда указывает.
Да, осязание, — о сила святая богов всеблаженных! —
Чувство рождает в телах наших, или извне доходя к ним,
Или затронув ту сущность, что внутрь внедрена в наше
тело.
Да, осязание содействует зиждущей силе Венеры
И причиняет и боль, и смятение во всех наших чувствах,
Как только в теле нарушено нашем частиц равновесье.

Можешь ты в том всякий раз убедиться, когда ты случайно

Сильно часть тела какую-нибудь ударяешь рукою.

Вследствие всех этих данных должны различаться по форме

Тельца первичные, кои столь разные чувства в нас будят.

Далее, то, что нам кажется твердым и плотным, должно быть

Сомкнуто тесно в частицах своих составных непременно, И наподобие веток должны тут частицы сцепляться.

В этаким роде алмазные камни должны меж другими

Первое место занять, не страшась никакого удара;

Далее, дюжий кремень и могучая твердость железа,

Медь, наконец, что призывно звучит у входной нашей двери.

Те вещества, что по свойствам природным текучи и жидки,

Все состоят из частиц главным образом гладких и круглых.

Эти частицы не держатся кучей, сцепившись взаимно,

Но по наклонности катятся вниз своевольно и быстро.

(Так же легко, как вода, рассыпаются семечки мака.)

Все, что в мгновенье одно у тебя на глазах исчезает, —

Дым например, облака и ползучий огонь, — несомненно

Не состоит из частиц, вполне гладких и круглых по форме,

Но также не из изогнутых, спутанных между собою,

Так как они и сквозь скалы проходят и тело язвят нам.
Также не цепки они наподобье того, что мы часто
Видим в репейниках. Так что ты должен легко
согласиться,
Что не изогнуты в виде крючков эти тельца, а остры.

Есть вещества еще горькие, вместе с тем жидкого вида;
Влага морская к примеру. Но ты удивляться не должен.
Правда, что жидкость из тел составляется круглых и
гладких,
Влага же моря содержит частицы, противные чувству,
Но для того крючковатыми быть не должны они вовсе.
Эти частицы хоть круглы, но вместе с тем также
шершавы;
Могут катиться они и язвить одновременно чувство.
Чтоб показать, как частицы шершавые с гладкими вместе
Смешаны в жидкости, что составляет стихию Нептуна,
Способом верным мы выделить можем одни и другие.
Влага морская становится сладкой и пресной по вкусу
Там, где сквозь толщу земли проникает она в водоемы, —
Там, под землей, свои горькие части вода оставляет,
Так как последним легко зацепиться в неровностях
почвы.

К этим моим положеньям считаю я долгом прибавить
То, в чем находят они подтвержденье. Формы зачатков
Лишь до предела известного разнообразиться могут.
Если бы этого не было, существовали б зачатки
Некие, что необъятных размеров могли бы достигнуть.

Вследствие малых размеров своих родовые зачатки
Не допускают большого числа изменений в фигурах.
Предположи, что первичные тельца в себе заключают
Части мельчайшие, — три например или несколько
больше, —

И вслед за этим попробуй на разный их лад переставить,
Сверху и снизу, то слева направо, то справа налево.
Перестановки исчерпав вполне, ты узнаешь оттуда,
Что за фигуры из этих частей ты сложить в состоянны.
Если ж ты далее разнообразить фигуры желаешь,
Должен ты новые части прибавить к телам, а отсюда
Явствует, что чем значительней разнообразие будет
Телец первичных, тем более новых частей к ним
пристанет.

Но ведь подобное образование фигур за собою
Вечно влечет возрастание тел; потому ты не думай,
Будто бы разнообразие форм бесконечно в зачатках.
Иначе должен ты в них допустить непременно размеры
Чрезвычайно большие, чему не найдешь подтвержденья.

Ткани тогда берберийские и мелибейский блестящий
Пурпур, окрашенный в цвет фессалийских ракушек
багровый,

И золотые павлиньи хвосты без вниманья б остались,
Красками новых вещей превзойденные очень далеко.
Цену утратили б запахи мирры и сладости меда;
Песнь лебединая, как и стихи вдохновенные лиры
Фебовой, смолкли б тогда под влиянием той же причины,
Так как являлись тогда бы все новые, лучшие вещи.

В том же порядке могло б подвигаться и все к ухудшенью,
Все равно как бы могло без конца к совершенству
стремиться,

И появлялось бы нечто такое, что больше и больше
Нашим претило глазам и ушам, обонянью и вкусу.
Но не случается этого. Держатся вещи в границах,
Определенных заране, и нужно признать непременно,
Что ограничена точно в материи разница видов.

Равным же образом пламя и зимнего холода стужа
Также пределы имеют, и им установлена мера —
Именно: жар и мороз суть границы. Тепло между ними
В разных его степенях наполняет пространство
вселенной.

Так что различье в тепле, как во всем, ограничено точно,
Ибо отмечено резко оно обоюдною гранью:

Жаром с одной стороны, а с другой — ледящим
морозом.

К этим моим положеньям считаю я нужным прибавить
То, что им может служить в подтверждение. Первичные
тельца,

Сходные между собою во всем по строенью фигуры,
В смысле числа бесконечны. Ведь если число разных
граней

В них ограничено, нужно, чтоб каждого вида зачатки
Были числом бесконечны, а иначе будет конечной
Сущность материи, что — невозможно, как сказано выше.
Раз это ясно, позволь мне в немногих стихах

сладкозвучных

Истину ту доказать, что частицы материи только
В силу своей бесконечности могут поддерживать целость
Мира и лишь от нее происходит толчков непрерывность.
Так есть породы животных, которых ты редко
встречаешь,

И тебе кажется, будто у них плодовитость ничтожна.
Между тем в месте другом, в отдаленных краях
иноземных

Множество водится этих пород и число пополняет.
Так, между четвероногими прежде всего ты отметишь
Хоботоносных слонов. Их так много есть в Индии
дальней,

Что по границам стоят у ней стены из кости слоновой
Непроницаемой крепости. Так велика сих животных
Сила, тогда как у нас попадается их очень мало.

Но я пойду даже дальше. Пусть будет такое создание,
Что в своем роде единственно и представляет по
свойствам

Особь, которой подобия нет на земном всем
пространстве.

Если б притом не была бесконечна материи сила,
В коей зачатом могло быть такое создание, то вовсе
Не родилось бы оно, не могло б ни расти, ни питаться.
Ты на мгновенье представь себе, будто первичные тельца
Вещи какой-нибудь всюду в числе ограниченном бродят.
Где и откуда и силой какой они встретиться могут
В море великом материи и сонме частей чужеродных?

Думаю, в случае этом столкнуться им нет основания,
Нет. Наподобие разных вещей при кораблекрушении
Всюду в пространстве разбросаны были б они как попало.
Так перекладыны, мачты, носы корабельные, кормы,
Райны и весла порою на берег кидает стихия,
Как бы давая людям указание, чтобы старались
Козней коварных морей избегать, их лукавства и мощи
И не вверяли себя никогда легкомысленно волнам
В пору, когда улыбается ласково тихое море.
Так, если предполагаешь ты некое ограничение
Телец первичных, то всюду должны бы они,
разметавшись,
Вечно блуждать и по волнам материи вечно носиться,
И никогда б от толчков не вступили они в сочетанье,
Ни оставаться в связи меж собой, ни расти не могли бы,
Между тем явно в природе всегда происходит два дела:
Родится каждая вещь, и, родившись, она возрастает.
Значит, понятно, что численность каждого рода зачатков
Не ограничена, так как собой они все наполняют.
Преобладать не должны вредоносные только движенья,
Чтоб погребать постоянно все блага и радости жизни;
Но родотворные, благоприятные росту движенья
Также не могут бессменно служить поддержанию жизни.
Так с равным счастьем вечно ведется борьба сих начал
двух;
Испокон века повсюду такая борьба происходит.
Здесь достается победа началам ликующим жизни,
Там побеждает их смерть. Так мешается плач
погребальный

С криком младенца, впервые увидевшим света сиянье.
Не было ночи, ни дня, ни зари, вслед за ночью идущей,
В кои нельзя было б слышать младенческих криков в
смешеньи

С плачем, обыденным спутником смерти и служб
погребальных.

Нужно еще одну истину в нашем ученьи отметить
И постоянно держать у себя ее в памяти твердо.
Между предметами всеми, которых природа известна,
Не состоит ничего из частиц лишь единого рода.
Нет ничего, что в себе не включало бы смеси зачатков
Разных. Чем большим количеством свойств обладают
предметы,
Чем их способности шире, тем больше и телец первичных
В них заключается разных по роду и внешнему виду.

Прежде всего, много телец первичных земля заключает:
Те, из которых, при помощи быстро текущих потоков,
Вечно питается море, и те, что огонь порождают.
(Так как во многих местах зажигается пламенем почва;
Больше всего в извержении Этны свирепствует пламя.)

В почве, затем, есть и то, что плоды и привольные рощи
Может на свет произвести к услаждению рода людского;
То, из чего она реку, и зелень, и тучные пастьбы
Может доставить животным, бродящим по горным
тропинкам,
А потому как великую мать богов и как мать

Всяких животных и рода людей ее чтут повсеместно¹³.

Греции древней поэты когда-то ее представляли
На колеснице большой, парой львов приводимой в
движенье,

И говорили они, что богиня в воздушном пространстве
Держится, так как не может земля опираться на землю.
Диких зверей приобщили сюда в знак того, что потомство
Действием нежных забот материнских должно
приручаться.

И голова у нее украшалась стенною короной,
Так как в наилучших местах на земле города основались.
Образ божественной матери в этом наряде донине
Возится всюду по странам различным, внушая всем ужас.
Также у разных народов она по обычаям древним
Матерью Идой зовется нередко, и толпы фригийцев
С ней путешествуют, ибо в стране этой стали впервые
Злаки расти на земном всем пространстве, как ходит
преданье.

И от жрецов, приуроченных к ней, наставленье исходит,
Что, кто не чтит божества и к родителям неблагодарен,
Тот, значит, сам быть не хочет достойным того, по их
мненью,

Чтоб от него на сем свете живое потомство родилось.
Громко повсюду литавры звучат и пустые кимвалы,
Дико и грозно гнусавые звуки рогов раздаются,
Дух возбуждают размером напевы фригийские флейты.
Пред истуканом оружие несут в знак жестокого гнева,
Чтоб своеволие умов и нечестие сердца в народе

Сдерживать страхом великим и святостью властной богини.

И, когда в шествии пышном богиню по городу возят,
Распространяет беззвучно на смертных она свои блага.
Путь устилают ее серебром драгоценным и медью,
Щедрым, богатым даяньем, и розами, будто бы снегом,
Всю осыпают ее, как и спутников, с нею идущих.
Вооруженный отряд, что название фригийских куретов
Носит у греков, тут пляшет, себя ударяя цепями.
Скачут куреты размерно, пьянея от пролитой крови,
И на главе потрясают священные, страшные гребни
В память куретов из Дикты, которые, как повествуют,
Детские вопли Юпитера встарь заглушали на Крите;
Между тем вооруженные дети вокруг колыбели
Юного бога с размерностью медью о медь ударили,
Чтобы Сатурн не сожрал его, злобой великой объятый,
И не нанес сердцу матери неисцелимых страданий.
В память того провожают великую мать с оружием,
Или как признак того, что богиня желает, чтоб люди
Вооруженьем и доблестью край свой родной защищали
И для родителей были опорой и украшеньем.

Великолепно подобрано это и очень красиво,
Но тем не менее все же от истины очень далеко.
Что до природы богов, то она в существе непременно
Радости жизни бессмертной в покое наивысшем вкушает,
Чуждая нашим делам и от нас удаленная сильно.
Так как свободна она от опасностей всех и печали,
Собственной силой мощна и от нас не зависит нисколько,

То ни добром не пленяется вовсе, ни гнева не знает.
Истинно: вечно земля лишена была всякого чувства,
Но потому, что в ней действует множество разных
зачатков,

Многое разным путем она вечно на свет производит.
Если же можно нам море Нептуном назвать, а Церерой
Злаки земли, если Вакхово имя мы предпочитаем
Произнести, чем вино называть настоящим названьем,
То согласимся мы, что признавать можно также и землю
Матерью вечных богов, хотя этого нет в самом деле.

Часто стада на одной луговине зеленой пасутся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.